

Пушкин и Куницын.

Между профессорами, которых слушал Пушкин в Лицее, видное место должно быть отведено Александру Петровичу Куницыну. Будучи одним из самых молодых преподавателей Лицея (он родился в 1783 году) и хорошо зная, поэтому, умственные интересы и склонности лицейской молодежи, Куницын обладал и нужными средствами, чтобы заинтересовать и увлечь своих слушателей. По окончании Педагогического Института проведя несколько лет за-границей, он прекрасно был знаком с положением в науке философско-правовых и политико-экономических вопросов, которым были посвящены его лекции, и обладал в достаточной степени даром слова. Товарищ Пушкина М. А. Корф, вообще не склонный идеализировать ни своих сверстников, ни преподавателей, признает, что Куницын отличался даровитостью, говорил складно, имел живое воображение¹⁾. Директор Лицея Е. Энгельгардт отозвался о Куницыне более определенно: «Куницын умел учить и добру учил»²⁾.

Неудивительно, поэтому, что лекции Куницына привлекли Пушкина. По отзыву Пушкина, «Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына»³⁾. Он серьезно заинтересовался философскими и государственными науками, которые Куницын преподавал. В 1816 году Пушкин по всем предметам Куницына оказал успехи, отмеченные баллом 4, а в выпускном свидетельстве сказано, что по философским предметам (логика, философия права, естественное право) он обнаружил познания хорошие, по государственной экономии и финансам даже весьма хорошие⁴⁾. Очевидно, Пушкин основательно усвоил лекции Куницына и многому от него научился. Отношения к Куницыну не прекратились у Пушкина и после Лицея. К сожалению, мы

¹⁾ Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-ое. 1899, стр. 228.

²⁾ Д. Кобеко. Имп. Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1911, стр. 158.

³⁾ Л. Майков. Пушкин. 1899 стр. 61.

⁴⁾ И. Шляпкин. К биографии Пушкина. 1899 стр. 25.

не знаем, много ли раз и при каких обстоятельствах они встречались, и не ограничилось ли дело только тем случаем, о котором читаем в записках Пущина, — когда Пушкин встретил Куницына у Н. Тургенева на собрании по вопросу об издании политического журнала ¹⁾. Во всяком случае, эти отношения — если они были — оставили в душе поэта гораздо меньше следов, чем лекции Куницына, о которых он много лет после окончания Лицея продолжал сохранять благодарную память. По крайней мере, в отвергнутой строфе стихотворения на лицейскую годовщину 1825 года он вспоминает только о Куницыне — профессоре философии права:

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, — онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставлень имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена! ²⁾

Все это, вместе взятое, позволяет сделать предположение, что Куницын должен был оставить более или менее заметный след в политических воззрениях Пушкина и, скорее всего, в произведениях первых годов после Лицея. Так и думают обыкновенно. Одним из наиболее ранних произведений Пушкина, которое, можно сказать, насыщено политическими идеями, является, бесспорно, ода Вольность. О ней и было высказано мнение, что она построена на теории общественного договора, которую Н. Тургенев и Куницын «вывезли из Геттингена»; что в ней вообще проповедуются «геттингенские» принципы Куницына и Н. Тургенева, заимствованные у Руссо и Канта; и что законность, как основная идея Пушкина, есть поэтическое претворение идей Куницына о законных правах человека, которых не может «нарушать никакое большинство» ³⁾. Верна-ли эта мысль? Можно-ли, в самом деле, утверждать, что курс, который читал Куницын, был основан на принципах геттингенской школы, и что эти самые принципы Пушкин воспринял от Куницына? И, прежде всего, что это за принципы геттингенской школы?

В корне неверно утверждение, будто Куницын «вывез» из Геттингена теорию общественного договора. Это неверно в нескольких отношениях. Геттингенская школа юристов, главными представителями которой были Иоанн Пюттер (1725—1805) и

¹⁾ *Майков*, стр. 72.

²⁾ *Сочинения*, изд. Акад. Н. т. IV прим. стр. 194.

³⁾ *А. Слонимский*. Пушкин и декабрьское движение. Брокг. и Ефр. II, 513—514.

Г. Гуго (1764—1844), относилась отрицательно к учению о естественном праве, а, следовательно, и к теории общественного договора, которая составляла обычно один из пунктов этого учения. Отвергая мысль о произвольном установлении права путем договора и одностороннего приказа государственной власти, геттингенцы высказывались за непроизвольное развитие права и государства на подобие того, как развиваются язык, общественные нравы и т. п. С другой стороны, геттингенская школа отвергала возможность законодательства, годного для всех времен и народов; каким выставляло себя естественное право; она признавала различные системы права, одинаково необходимые при различных условиях. Прямым выводом отсюда был и с т о р и ч е с к и й взгляд на право и требование исторического его изучения ¹⁾. Это, собственно, — научная или методологическая программа геттингенской школы. В области же политических идей характерным для нее был к о н с е р в а т и в н ы й дух, боязнь всяких перемен, преклонение пред существующим — просто потому, что оно существует. Геттингенская школа не разделяла либерализма естественно-правовой теории и высказывалась определенно против революционных стремлений эпохи. Она относилась к государству с доверием и допускала ограничение свободы личности не только в интересах безопасности и охраны прав, как теория естественного права, но и для общего блага. С ее точки зрения, не могло быть речи о каких-нибудь правах личности в отношении к государственной власти.

Таковы, в нескольких словах, принципы геттингенской школы. Что бы они были «заимствованы» ее основателями у Руссо и Канта, этого никак нельзя утверждать. С Руссо у этой школы не было ничего общего, а влияние Канта было не очень значительно ²⁾.

Из доступных нам сочинений Куницына эти темы полнее всего развиты в его сочинении «Право естественное» I—II СПб. 1818-20, которое, по всем видимостям, представляет сокращение его курса, читанного в Лицее под тем-же названием ³⁾. Если вчи-

¹⁾ *Hugo. Lehrbuch des Naturrechts als einer Philosophie des positiven Rechts.* 3 изд. 1809 §§ 130, 369, 370; *Lehrbuch der juristischen Encyclopädie* 4 изд. 1811 § 21, 22, 48.

²⁾ *П. Новгородцев. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба.* М. 1896 стр. 25—52.

³⁾ О других сочинениях Куницына см. И. Я. Селезнев, *Ист. очерк Имп. бывшего Царскосельского, ныне Александровского Лицея, за первое его пятидесятилетие с 1811—1861 гг.* СПб. 1861.

таться внимательно в книгу Куницына и сравнить ее с указанными принципами геттингенской школы, то придешь к выводу, что Куницыну новые теории остались совершенно неизвестны. У него — теория естественного права, в ее чистом виде, почти без всяких уклонений. Уже самое заглавие книги показывает, в какую сторону направляются симпатии автора. Естественное право есть для него «право всем народам общее» (§ 15), и право положительное может быть оправдано только в том случае, когда оно согласно с «общими началами права», т. е. с тем-же естественным правом (§ 388). Государство, по учению Куницына, возникло из договора свободных и равных друг другу людей, при чем этот традиционный и характерный пункт естественно-правовой теории он излагает в духе католических учений XVI века, к его времени совершенно устаревших: он говорит не вообще о договоре, как Руссо или Кант, но различает договор соединения (*tractum unionis*) и договор подданства (*tractum subiectionis*), как два последовательных акта¹⁾. В этих договорах Куницын видит не только философскую идею для объяснения правовых отношений внутри государства, как мы это находим, напр. у Канта; для него это — непреложный факт. Иными словами, он утверждает, что все государства возникли в действительности этим путем — путем сознательного и произвольного действия, — и следовательно, об историческом развитии форм социальной жизни, признание которого столь характерно для геттингенской школы, нечего говорить. Поэтому-то в книге Куницына так резко бросается в глаза отсутствие исторического взгляда на предмет. Это — в области научной. Что касается политических взглядов, то здесь Куницын не столь резко расходится с геттингенской школой. Заметны у него некоторые колебания. Как и геттингенцы, он высказывается против революции (§§ 469, 470, 477), но в тоже время он признает, что гражданское повиновение имеет свои пределы, и что никто не обязан повиноваться государственной власти, если она так устроена, «что от оной необходимо проистекает нарушение прав», если она «под видом общей воли хочет исполнить свою частную волю», или если она требует действий, которые несогласны с договором подданства (§§ 389, 424, 426, 437, 438, 469). Об общем благе, как цели государства, Куницын говорит только в виде намека (§ 435), но гораздо больше можно привести таких мест, где он, совершенно

¹⁾ Право естественное, II стр. 23, 55—60 и 63—68.

в духе либерализма естественно-правовой теории, эту цель видит только в безопасности и в охране свободы; решительно отвергает он и учение о *raison d'état* (§§ 117, 322, 365, 405, 414, 470). Во всем этом гораздо больше виден поклонник Руссо и его *volonté générale*, чем последователь геттингенской школы.

Следовательно, если в оде Пушкина можно находить отголоски тех учений, которые родственны геттингенской школе, то их никак нельзя ставить на счет влияния Куницына. Такие отголоски у Пушкина, может быть, и есть. Но, все равно, — будем-ли мы их считать геттингенскими или нет, важно одно: в коренных политико-философских вопросах, в том, что составляет характерную черту идеологии, развиваемой в оде Вольность, Пушкин и Куницын занимают протиположные позиции. Между ними нет почти ничего общего. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим главнейшие из политико-философских проблем, затрагиваемых в оде, и мы увидим, что Пушкин и Куницын решают их совершенно различно.

1. С в о б о д а. Куницын ставит вопрос совершенно в духе естественно-правовой школы. Свобода существует от природы и составляет содержание той части прирожденных прав, которую человек приносит с собой в государство (§§ 81, 83, 87, 413, 427, 432).

У Пушкина:

Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона,
И стануть вѣрной стражей трона
Народовъ вольность и покой (ст. 93—96).

Т. е. свобода основывается на законе (ср. ст. 25—28). Для всякого, знакомого с историей политических идей, должно быть ясно, что это различие не случайно, а характеризует основные типы в понимании свободы и назначения человека, которые можно подметить уже в древности.

2. П р о б л е м а в л а с т и. Куницын утверждает, что «верховная власть может быть передана только по согласию всех членов общества» (§ 363). У Пушкина основанием власти является не договор, а закон:

Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа (ст. 37—38).

Этой формулой, которую мы едва-ли встретим еще у какого-нибудь поэта, Пушкин ставит себя между либерализмом естествен-

но-правовой школы и натурализмом реакционного направления ¹⁾.

3. Право сопротивления. Выше были отмечены у Куницына некоторые колебания по этому вопросу, но право сопротивления власти он, во всяком случае, признавал. У Пушкина нет никаких колебаний:

Главой развѣнчанной приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
Падеть преступная сѣкира. (Ст. 51—54).

Таже мысль сквозит в стихах, посвященных убийству Павла I:

О стыдъ! о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри, вторглись янычары!
Падуть безславныя удары —
Погибъ увѣнчанный злодѣй! (Ст. 85—88).

Казнь Людовика XVI является в глазах Пушкина преступлением и вероломством, следовательно — отнюдь не таким действием, на которое у кого-нибудь было право. Павлу I он не сочувствует и называет его «увенчанным злодеем», но в то же время в убийстве его он видит зверский и бесславный поступок ²⁾.

4. Законность. Нельзя, разумеется, ожидать, что Куницын выскажется где-нибудь в своей книге против законности, но он говорит о ней очень мало, она занимает в его политическом миросозерцании второстепенное место. У Пушкина же, в его оде, это — главная мысль. Идея закона проникает насквозь всю оду. Все политические проблемы, в ней затрагиваемые, разрешаются на основе этой идеи. Обстоятельно и с некоторым вниманием Куницын говорит о законности в подчиненном управлении и суде (§§ 385—389). По отношению же к верховной власти он говорит только то, что она должна действовать законными средствами (§§ 413, 416); при чем эту мысль он высказывает как-бы мимоходом, не придавая ей никакой рельефности. Ограничение верховной власти, по его взгляду, составляют, во 1-х, прирожденные права граждан и общества, во 2-х, естественная справедливость и в 3-х, договор (§§ 271, 474). Очень может быть, что под естественною справедливостью Куницын

¹⁾ Подробнее в статье автора: Природа и закон в политических воззрениях Пушкина. Slavia. 1925, IV, 1.

²⁾ Слонимский (назв. соч. стр. 514) объясняет это отношение Пушкина к убийству Павла I, как отголосок идеи о законных правах человека.

разумел приблизительно тоже самое, что Пушкин под именем закона. Но некоторое различие между обоими терминами все-таки остается, и для нас, когда мы отыскиваем следы возможного идейного воздействия на Пушкина со стороны его профессора, слова, которыми пользуются тот и другой, имеют большую важность. А что в изложении Куницына не только слово «закон» не получило широкого употребления, но и идея закона не имела того значения, как у Пушкина, видно хотя бы из того, как они оба относятся к деспотическому правлению. По взгляду Куницына, деспотия отличается от монархии тем, что нарушает прирожденные и «производные» права граждан (§ 495). Между тем Пушкин видит ее сущность в пренебрежении к закону:

Тираны міра! трепещите!

 Увы! куда ни брошу взоръ,
 Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
 Законовъ гибельный позоръ (ст. 14—19).

Чего-нибудь, что соответствовало бы, по своей мысли, великолепным стихам Пушкина:

Лишь тамъ надъ царскою главою
 Народовъ не легло страданье,
 Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
 Законовъ мощно сочетанье (ст. 25—28),

в книге Куницына мы напрасно стали бы искать.

Чтобы быть совершенно точным, следует, может быть, указать на идею равенства, которая в оде Пушкина выражена очень ярко:

Гражданъ надъ равными главами
 Ихъ мечъ безъ выбора скользить (ст. 31—32),

и которой в книге Куницына отведено тоже довольно видное место: он говорит о ней в нескольких параграфах, и везде старается подчеркнуть ту мысль, что «по договору соединения все люди равны», и что поэтому «законы должны быть всеобщие, т.е. всех граждан равно обязывающие» (§§ 341, 377, 451). Но у Пушкина в приведенных стихах замечен все-же некоторый особый оттенок мысли: в то время, как Куницын говорит вообще о равенстве перед законом, для Пушкина вопрос идет о равенстве перед уголовным судом, об одинаковом наказании за одинаковые преступления. Это, конечно, не одно и тоже.

Таким образом, ни одну из крупных идей, которые развиваются в оде Вольность, мы не можем поставить на счет тех

политических теорий, с которыми Пушкин мог познакомиться на лекциях Куницына. Политическая программа, которую можно бы было извлечь из книги Куницына, не совпадает с той, которую мы встречаем в оде. Точки зрения того и другого в корне различны; взгляды и аргументация у каждого свои.

Но, несмотря на это, можно думать, что лекции Куницына не пропали для Пушкина, и если он не воспринял от Куницына готовых идей и теорий, которые ему оставалось бы только переложить в стихи, то он получил от него нечто более важное и ценное, а именно энтузиазм к свободе, интерес к политико-философским проблемам и умение разбираться в различных направлениях политико-философской мысли. Это умение Пушкин проявил в оде в поразительной для своего возраста степени, а что касается свободы, то она на всю жизнь осталась для него одною из главных проблем, и ода Вольность — только первый опыт ее уяснения. Все это можно смело отнести на счет Куницына. Видно, что Пушкин, действительно, «охотно занимался в его классе». Он оправдал свои отметки и уже в зрелых годах, вспоминая Куницына, имел полное право сказать:

онъ воспитальъ нашъ пламень (к свободе)
Поставленъ имъ краеугольный камень (политико-
философского образования),
Имъ чистая лампа да возжена (лампада научной
мысли).

В своих лицейских слушателях он воспитал пламень к свободе; он заложил в них краеугольный камень политико-философского образования; им возжена в их душе лампада научной мысли.

В. Вальденберг.

PAMĚTI A. S. PUŠKINA

SLAVIA

Časopis pro slovanskou filologii

S podporou ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník XIV. Sešit 3.

Tiskem a nákladem Československé grafické Unie a. s. v Praze

1937